

ПОЭЗИЯ МАО ЦЗЭ-ДУНА В ПЕРЕВОДАХ АЛЕКСЕЯ СУРКОВА

Когда мы сейчас опять подружились с Китайской Народной Республикой, стало доступно в Интернете издание 1957 года стихов Мао Цзэ-дуна (26.12.1893–09.09.1976) в переводах на русский язык, казалось бы, напрочь забытое. И оно оказалось интересно не только с историко-политической точки зрения, но и с литературной. И даже, как выяснилось, с краеведческой, ведь семь стихотворений Мао перевёл наш земляк Алексей Александрович Сурков.

А вообще это были «Восемнадцать стихотворений» Мао Цзэ-дуна, впервые¹ изданные в Китае в журнале «Шикань» («Поэзия») в 1957 году (*Великий кормчий*² рискнул представить свои стихи читателям только в 65-летнем возрасте³). И в том же году в серии брошюр библиотеки журнала «Огонёк» (ноябрьский № 38) уже вышел их перевод на русский язык⁴, который, в силу реакции

---

1 Стихотворение о Великом походе было опубликовано на русском языке в подстрочном переводе Эми Сяо (Сяо Сань) еще в 1939 году, до его публикации в Китае. В начале 1950-х его поэтический перевод опубликовали А. Безыменский, А. Гитович, С. Ботвинник, С. Бытовой (см.: Желоховцев А.Н. Мао Цзэ-дун. // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. — М.: Вост. лит., 2006. — Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М.Л.Титаренко и др. — 2008. — С. 357.).

2 *Великим кормчим* с 1934 года называли лидера СССР И.В. Сталина, а затем и лидера Китая и его компартии (с 1943 года) Мао Цзэ-дуна. Первоисточник — христианская литература: Иоанн Златоуст (рубеж IV–V вв.) в своем сочинении «Беседы на книгу Бытия» «великим Кормчим» называет Бога. «Кормчий» — человек, сидящий на корме судна и управляющий им при помощи кормила — руля. Соответственно, «стоять у кормила власти» — единолично управлять страной. В постсоветской России словосочетание «кормило власти» употребляется только иронически — в силу созвучности слов «кормило» и «кормушка».

3 Мао Цзэ-дун стихи начал писать с 1923 года. В посмертном издании опубликовано свыше 40 стихотворений.

4 Мао Цзэ-дун. Восемнадцать стихотворений: [сборник] / Мао Цзэ-дун; [пер. с кит. С. Маршака, А. Суркова, И. Голубева и др.; под ред. Н. Федоренко, Л. Эйдлина; послесл. Н. Федоренко]. — Москва: Правда, 1957. — 32 с.: портр. — (Библиотека «Огонёк»; вып. 38). Далее в тексте статьи стихи Мао Цзе-дуна даются по этому изданию с указанием страницы.

на только что прошедший XX съезд КПСС, осудивший культ личности Сталина, так и остался единственным их изданием. Более того, уже в самом этом сборнике нигде не сказано об оценке Мао как поэта из опасения ассоциации со стихами Иосифа Виссарионовича. В переводе стихи Мао оказались максимально упрощёнными, ибо жёсткая установка тогдашнего советского руководства при отборе переводов была на *народность, простоту, понятность* (достаточно сказать, что комментарии к стихам и предисловие писал тогдашний замминистра иностранных дел Николай Трофимович Федоренко, окончивший китайское отделение Института востоковедения МГУ в 1937 году и продвигавшийся далее по службе по линии КГБ). В Китае также работала группа ответственных за комментарий стихов Мао, на который обязаны были опираться переводчики на разные языки. Для русского перевода были выбраны известные советские поэты Самуил Маршак, Алексей Сурков и Николай Асеев, не знавшие китайского языка и переводившие по подстрочнику китаиста Л. Эйдлина, а также знатоки древнекитайской поэзии Игорь Голубев, Михаил Басманов и тот же Лев Эйдлин.

Китаисты не чувствовали поэтического стиля Мао и доносили прямой смысл. Так, в переводе Л. Эйдлина — *И за далью бескрайней беснуется снег* (С. 15), а у Мао «снег не бесновался, он присутствовал, *парил*, по ту сторону не было ничего, кроме снега»⁵. Или — то, что у Л. Эйдлина переведено как *земной простор в дымке* (С. 15), в оригинале — так называемый «тавтофон», то есть повтор двух одинаковых иероглифов подряд для усиления значения и звукоподражания, «который можно перевести как *мутная муть*»⁶. Поэты-переводчики стиль чувствовали, но были поставлены в вышеназванные рамки. Сложность заключалась в том, что Мао позволял себе в стихах то, что было запрещено поэтам коммунистического Китая и в Советском Союзе также не приветствовалось.

---

5 Азарова Н. Стихи Мао-Цзэ-дуна и их переводы / Наталья Азарова // Новый мир. — 2017. — № 5. — С. 179.

6 Там же.

В частности, при яростной борьбе с формализмом как буржуазным эстетством, развернувшейся с 1946 года, нужно было игнорировать любование формой стиха у Мао. И бывший футурист Н. Асеев, битый за непонятность ещё в 1930-е годы, следуя, всё же, сложной форме «Трёх стихотворений по 16 строк» Мао, так как форма заявлена в заглавии (у него даже количество русских слов соответствует количеству китайских иероглифов) и делая рифму незаметной (в китайской поэзии рифма неточная), намеренно упрощает образы по сравнению с оригиналом. Например, он переводит:

Вверх взгляни —

Достанешь рукой голубые просторы. (С. 8)

В оригинале *вверх взгляни* звучит буквально «оглядываясь назад в чудо»⁷. «А там, где у Асеева *достанешь рукой голубые просторы* (характерный советский поэтический штамп), наоборот — *до неба всего три суня*, что можно было бы, безусловно, перевести *до неба три метра...* Мао совсем не ориентирован на подчеркнутую понятность»⁸.

Исследователи считают, что лишь 5% населения современного Китая способны понять его сложную поэзию, в которой, к тому же, используется около 25 классических форматов стиха, а ведь писать старым стихом китайским поэтам было запрещено под страхом репрессий. Видимо, чувствуя некоторую неловкость, Мао пишет в предисловии к публикации: *Эти вещи я никогда не собирался публиковать, так как они относятся к старому стилю. <...> В поэзии основой должны быть, конечно, новые стихи. Можно писать и стихи старой формы, но их не следует популяризировать среди молодёжи, поскольку этот стиль сковывает мысль и к тому же нелёгок для изучения». (С. 2)* И это его можно считать совершившим прорыв, дало разрешённую свободу прерванной традиции. Недаром вслед за Мао Цзэ-дуном стихи в старых классических формах стали писать не только поэты, но и государственные деятели, например, «Чэнь И, Дун Би-у, Чжу Дэ. Некоторые

7 Там же. С. 177.

8 Там же.

из их стихотворений были включены в школьные учебники. «... Стихи Мао Цзэ-дуна многократно издавались как образцы каллиграфии, изображались на произведениях живописи и в муз. обработке и т.д.»⁹.

Но всё это последовало гораздо позже нашего первого русского перевода «Восемнадцати стихотворений», в процессе которого все запреты были в силе. «Интересно, что в своём комментарии Федоренко клеймит вэньянь, то есть старый китайский язык, на котором писалась поэзия до 20-х годов XX века, до гоминьдановской реформы языка... Но при этом Федоренко не говорит о том, что Мао как раз пишет на вэньяне, хоть и с вкраплением довольно большого количества современных, даже разговорных слов... Ни в комментариях, ни в переводах Мао не предстаёт как новатор. Между тем новаторство Мао не только в смелых образах, но и в том, как он работает с традицией: он парадоксально сочетает классическую форму и разговорный язык, сталкивает современный синтаксис и грамматические формы древнего языка».¹⁰ Для старой китайской поэзии также характерна многозначность, и возможность разнообразных трактовок, и всё это есть в стихах Мао, особенно многозначны их концовки.

На что же ориентировался в своих переводах Алексей Сурков? Подстрочники, по которым он работал, не опубликованы, но, видимо, он взял за основу идеологему, растиражированную в примечаниях и послесловии Н. Федоренко, что поэзия Мао народна и песенна. Действительно, жанр «цы», на котором написано большинство стихотворений, более свободный, чем формальный жанр «ши», имел песенное происхождение, и стихи в этом жанре когда-то исполнялись под музыку. Но народным он был лишь в VII–IX веках, а в более поздние времена, «чтобы писать в жанре «цы», то есть соответствовать определённому ритмическому рисунку, в основе которого лежит мелодия, а также соблюдать чёткую заданную смену ровного и ломаного тона, требовалось настоящее поэтическое мастерство, что отнюдь не предполагало

9 Желоховцев А.Н. Указ. соч.

10 Азарова Н. Указ. соч. С. 175.

большую степень свободы, народности, фольклорности или чего-то подобного». ¹¹ В XX веке для этого нужно было быть формалистом очень высокого класса. Естественно, установка советским переводчикам была совсем иной, и автор ушедшей в народ «Землянки» подходил для таких переводов идеально.

Приведём перевод Сурковым стихотворения Мао «Башня жёлтого аиста», написанного в жанре «цзы». Из огромного комментария Н. Федоренко можно извлечь, что Хуанхэлоу (Башня жёлтого аиста) на горном перевале Шэшань (Змеиная гора), существовавшая ещё в третьем веке, была местом паломничества поэтов. Она неоднократно сгорала, меняла свою архитектуру, напротив неё, через реку Янцзы, была в тринадцатом-четырнадцатом веках построена башня Циньчуаньга на перевале на горе Гуйшань (Черепаховая гора), усиливая поэтическую обстановку.

Старинное предание гласит, что к Хуанхэлоу некогда спустился внезапно с небес святой отшельник на жёлтом аисте и тотчас же вновь улетел на нём обратно. Это послужило поэту танской династии (618–906 гг.) Цуй Хао (год рождения неизвестен, умер в 754 году) сюжетом для написания его знаменитого стихотворения «Башня жёлтого аиста», в котором говорится, между прочим: «Улетел древний на жёлтом аисте, и опустела их башня. Улетел безвозвратно жёлтый аист, и тысячелетия в небе пустота беспредельная». С этими строками и перекликается стихотворение Мао Цзэ-дуна. (С. 5)

Башня жёлтого аиста

Ширь китайской земли омывает разливом Янцзы.

Север с югом связала бегущая вдаль колея.

В дымке ливня сверкающей яркая зелень сквозит.

Защищают Янцзы Черепаха-гора и Змея.

Желтый аист от нас улетел далеко.

Только башня осталась, как память о нем.

Наполняю бокал, в реку выливаю вино.

Волны чувств поднимаются в сердце моем. (С. 5)

---

11 Там же. С. 176.

Сравните эти стихи с таким, например, высказыванием Мао Цзэ-дуна из его знаменитого цитатника, который в Китае заучивали наизусть: «Интеллигенты должны быть сразу красными и обученными. Чтобы быть красными, они должны полностью перестроить свои умы, преобразовав своё буржуазное мировоззрение. Им не нужно читать много книг, что они должны сделать, так это усвоить правильное понимание следующих вопросов...».¹² Какие уж тут старинные поэтические жанры цы и ши!

В жанре ши у Мао в сборнике представлены лишь два стихотворения, и одно из них перевёл Алексей Сурков. В этом жанре, более древнем, чем цы, в каждой строке должно быть одинаковое число иероглифов (либо четыре, либо пять, либо семь), а в строфе — равное число строк (либо четыре, либо восемь). Сурков и его делает песенным. Это стихотворение «Великий поход»:

Для Армии Красной не страшен поход.
Что тысячи рек и на скалах лед?
Пять кручей — как волн невысоких взлет.
Умынские горы она пройдет,
Цзиньша с пути волной не собьет,
Мост Даду стужей стальной не прожжет.
Хребет Миньшань в снегах позади —
На наших лицах радость цветет. (С. 12)

Как отмечает руководитель Центра лингвистических исследований мировой поэзии при Институте языкознания РАН, филолог и поэт Наталия Михайловна Азарова, *то, что китайский лидер, получивший хорошее образование, поэт — не удивительно. Это вполне вписывается в китайскую традицию, в которой любой чиновник должен был сдать экзамен по поэтическому мастерству. Удивительно то, что он — хороший поэт, возможно, поэт первого ряда. Мао писал всю жизнь, но опубликовал ограниченное количество текстов. По воспоминаниям, Мао находился в зависимости от самого процесса письма: он работал над стихами во*

---

12 Цит. по: <https://ru.citaty.net/avtory/mao-tzedun/>. — 03.10.2018.

*время походов, вечером, ночью.*¹³

Насколько счастливее было бы человечество, если бы диктаторы следовали исключительно по пути развития своих способностей: Гитлер писал бы картины, а Сталин и Мао — стихи!

**Приложение: переводы А. Суркова из сборника
Мао-цзэ-дуна «Восемнадцать стихотворений»**

БАШНЯ ЖЕЛТОГО АИСТА

Ширь китайской земли омывает разливом Янцзы.
Север с югом связала бегущая вдаль колея.
В дымке ливня сверкающей яркая зелень сквозит.
Защищают Янцзы Черепаха-гора и Змея.

Желтый аист от нас улетел далеко.
Только башня осталась, как память о нем.
Наполяю бокал, в реку выливаю вино.
Волны чувств поднимаются в сердце моем. (С. 5)

ЦЗИНГАНШАНЬ

Видны под горой боевые знамена.
С вершины разносится гром барабанов.
Кольцом нас враги окружили.
Мы стойко атаки отбили.
Позиции мы укрепили заране,
А воля, как камни Великой стены, непреклонна.
Рубеж Хуаньян сотрясают залпов раскаты,
Пришло донесенье, что вражьи отходят солдаты. (С. 6).

---

13 Азарова Н. Указ. соч. С. 186.

НОВЫЙ ГОД

Нинхуа, Цинлю, Гуйхуа.
Узкий путь, скользкий мох, лес, трава.
Куда мы сегодня идем?
На гору Уи мы идем.
У этой горы, у этой горы
Красные флаги горят, как костры,
Колелемы ветром едва. (С. 7)

ХУЭЙЧАН

Скоро заря загорится багряно.
Кто говорит, что в поход отправляетесь рано?
Мы, не старея, по горным дорогам шли неустанно.
Край наш прекрасный раскинут пространно.
От Хуэйчана уходит нагорье
Вдаль, где синее Восточное море.
Смотрят бойцы на юг Гуандуна,
Ярче, щедрее природа там на просторе. (С. 8)

ЗАСТАВА ЛОУШАНЬ

Резкий западный ветер.
Предутренний месяц да иней.
Крик гусей на рассвете.
Предутренний месяц да иней.
Звук трубы на рассвете и цокот копыта.
Не считай, что застава надежно прикрыта.
Тут мы недолго осаду вели –
К вечеру сверху ее обошли.
Горы, синие горы, как море.
Солнце пролило кровь на просторе. (С. 10)

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

Для Армии Красной не страшен поход.
Что тысячи рек и на скалах лед?
Пять кручей — как волн невысоких взлет.
Умыньские горы она пройдет,
Цзиньша с пути волной не собьет,
Мост Даду стужей стальной не прожжет.
Хребет Миньшань в снегах позади —
На наших лицах радость цветет. (С. 12)

ПЛАВАНИЕ

Недавно я воду черпал в Чанша
И рыбу в Учане ел не спеша.
Недавно Янцзы переплыл, что вдали
Простерлась на многие тысячи ли.
И небо простер надо мной Хубэй.
Хоть ветер дует и волны пошли,
Сень сада на суше меня не влечет..
Конфуций сказал: Все в мире течет,
Как струи реки этой вечной текли.

Мачта качается влево и вправо,
Черепаша-гора и гора Змея
Неподвижны и величавы.
И такая картина представилась вдруг:
Мост построим и свяжем с Севером Юг.
Ток Янцзы остановим плотиной могучей,
Не пропустим ушаньские с ливнями тучи.
Меж горами раскинется озеро вширь.
И богиня гор удивится:
Как меняется мир! (С. 19)

Светлана Николаевна Левагина,
областная юношеская библиотека им. А.А. Суркова,
г. Ярославль.